

Irena Rudziewicz

"Кирилл и Мефодий. Духовное наследие", под ред. Н. Лихиной, Калининград 2002 : [recenzja]

Acta Polono-Ruthenica 8, 336-340

2003

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

badaczy, w szczególności autorów prac magisterskich i doktorskich do podejmowania tej problematyki w odniesieniu zarówno do Rosji, jak i Polski.

Jan Sobczak, UWM w Olsztynie

Кирилл и Мефодий. Духовное наследие, под ред. Н. Лихиной, Изд. Калининградского университета, Калининград 2002, с. 191.

В мае 2002 г. в Калининградском университете состоялась очередная Международная научная конференция „Кирилл и Мефодий. Духовное наследие”, материалы которой опубликованы под редакцией Н. Е. Лихиной. В книге – 15 рафератов авторов из Калининграда (11), Кишинёва (1), Минска (1), Москвы (1), Слупска (Польша) (1). Они посвящены как исследованиям по классической и современной мировой и русской литературе, так и проблемам развития и изучения славянских языков.

Открывает том статья *Ещё раз о русской душевности* (с. 3–13), в которой Г.И. Берестнев на основе текстов Евангелии, художественных произведений и очерков (Л. Толстой, В. Ходасевич), научных работ и словарей, лингвистических и языковедческих, философских и религиозных исследований рассматривает разнообразные существующие концепции души и душевности, доказывая диалектическую связь между языком и ментальностью его носителей.

А.М. Камчатнов (с. 14–24) занялся деятельностью св. Максима Грека, рассматривая её в контексте культурной ситуации России XVI в. Автор подчёркивает значение этой личности для развития русского литературного языка, для осознания его современниками необходимости грамматической кодификации языковых русских форм. Он „предлагал различать язык и текст, изучать грамматику, сопоставлять греческий оригинал и его славянский перевод и на этом основании исправлять ошибки перевода” (с. 24), пользуясь филологическим методом работы с текстом и языком.

На интересные явления современной лингвистики обратил внимание Т.Г. Трофимович (с. 144–153), особо выделяя проблемы языковой номинации в синхронии и диахронии. Автор предложил типологию предметных наименований старорусского делового языка, опираясь на определённые признаки: первичность и вторичность номинации, характер признака, привлеченного в именовании, вербально-квантитативную характеристику.

Т.В. Зайковская (с. 154–166) подчеркнула необходимость дальнейших исследований национально-языковых групп в разных странах мира. Привела примеры такого эксперимента с участием русских, молдаван

и болгар, проживающих на территории Молдовы. В качестве слов-стимулов для свободного ассоциативного эксперимента принято выражение „человек” и противопоставления „свой/чужой”, „мужчина/женщина”.

В очень оригинальном докладе *Культурологические свойства русской народной речи* (с. 167–177) А.З. Дмитриевский использовал для научного исследования автобиографический материал: выражения, слова, речь родственников, который запомнил с детских лет, с времён непосредственного общения с близкими. Он обратил внимание на идеолектные слова, которые „входили в состав духовнородовой преемственности, передавались из поколения в поколение” (с. 173) и которые, по словам автора, надо постоянно помнить и хранить, „оберегать совершенство и высокую культуру родного языка как решающего условия в самоутверждении личном, общенародном и общечеловеческом” (с. 177).

Своё выступление Хенрык Латышев (с. 177–190) посвятил проблемам преподавания близкородственных языков с использованием интернета – мощного технического средства обучения. Автор приводит примеры из собственного опыта в области организации интернет-форума в обучении русского языка в Польше.

Значительную часть книжки занимают литературоведческие и языковые анализы произведений классической и современной русской и зарубежной художественной литературы. Открывает эту часть работа двух авторов. Л.Г. Дорофеева и М.М. Копысова (с. 25–38) на щнове использованных цитат и реминисценций в последнем романе Ф. Достоевского *Братья Карамазовы* рассматривают его связь с памятниками православной религиозной мысли. Писатель, по мнению авторов, „неоднократно обращался к Священному Преданию, заключенному и в Священном Писании и в текстах святоотеческой мысли”, богословских произведениях: „жития святых, жизнеописания старцев, книги Иссаака Сирина, Симеона Нового Богослова, книга Иова, сказания о странствии инока Парфения, сочинения Игнатия Брянчаникова” (с. 29). Присутствие в тексте романа святоотеческой мысли имеет значение „идейно определяющее, раскрывающее духовную глубину образов, эпизодов, сюжетных ситуаций”, составляя „одну из основ формирования духовного контекста произведения” (с. 38).

Л.Н. Дарьялова (с. 39–61) очень всестороннее проанализировала роман И. Шмелёва *Пути небесные*, особое внимание уделяя проблемам, затронутым во втором томе. В этом двухтомном произведении, по словам автора статьи, писатель „обобщил свои представления о мире и человеке, о культуре и литературе” (с. 40), к которым пришёл в конце жизни. Дарьялова считает, что *Пути небесные* – это роман-житие, где наступает синтез духовных и светских начал и который во второй части

„приобретает новый облик романа-благодарения в результате внутреннего, религиозного преобразования личности в её соборном единстве с Творцом” (с. 61)

О судьбе, философских взглядах, жизненном пути русского религиозного христианского мыслителя Н.С. Арсеньева, связанного много лет с Кенигсбергским университетом сделал сообщение А.П. Лысков (с. 62–76), приводя цитаты из многих его философских работ, доказывая, что это был не религиозный фанатик, а тонкий религиозный мыслитель, пытающийся „философски осмыслить пласты христианской культуры и осветить онтические аспекты христианской мудрости” (с. 70). Автор обращает внимание на широту интересов Арсеньева, диапазон его научных исследований, считая, что он был „не столько богословом в профессиональном понимании этого термина, сколько религиозным мыслителем, мистиком-реалистом” (с. 71).

О.Н. Павляк (с. 76–86) обратилась к проблеме функционирования религиозных мотивов, символов, элементов, контекста в поэме А.С. Пушкина *Бахчисарайский фонтан*, считая, что „христианские ценности позволили героине сохранить свой мир” (с. 81), обрести внутреннюю свободу, познать силу любви вечной, непреходящей, любви к Богу, перейти из „пустынного мира земли в обетованный мир, небесный означает смерть и рождение одновременно” (с. 83). Религиозный контекст, по словам Павляк, проявляется в поэме на очень разных уровнях: фабульном, повествовательном, идейном и „придаёт поэме сущностную глубину”, становится историей „поиска духовного пути” (с. 86), ведущего к бессмертию души.

В комедии А.Н. Островского *Бедность не порок* Н. П. Жилина (с. 87–102) рассматривает образ главного героя Любима Торцова на фоне текста Евангелии, славянских религиозно-мифологических представлений и в тесной связи с культурными архетипами дурака, шута, скомороха. Сквозь фабульный план пьесы, доказывает автор статьи, выступают ли фольклорно-сказочные черты, элементы библейские, сюжет притчи о блудном сыне, мотивы соблазна и прелести в религиозном значении этого слова, а в образе главного героя „свмещаются ролевые функции трёх важнейших в народно-фольклорном и литературном сознании персонажей, состоящих между собой, так сказать, „в близком родстве”: шута, дурака, скомороха. Однако и религиозное начало достаточное полно, объёмно и ярко проявляет себя в структуре образа этого героя” (с. 99).

Концепция мира в сборнике М. Волошина „Путями Каина” (с. 102–112) – это текст С.А. Михеевой, которая анализирует поэму, обращая внимание на оригинальную концепцию осмысления послеоктябрьских потрясений в России в контексте истории человечества. Поэт, по словам автора, синтезируя в художественном языке миф и науку, пытается осмыслить „два

основных лейтмотива: искания человеческого духа и его деяния – и два основных плана изображения: мифологический, восходящий к Библии, и культурно-исторический, их взаимосвязь и взаимозависимость” (с. 103).

О закономерностях поэтического языка В. Набокова на основе анализа функционирования лексем „белый-чёрный” в рассказе *Рождество* пишет И.Н. Лукьяненко (с. 112–119). Он рассматривает „как устанавливается семантика и символика цвета в рассказе”, который „распадается на четыре эпизода, и в каждом выстраиваются определённые семантические ряды”, которые подкрепляют основную важнейшую смысловую и символическую антитезу произведения „жизнь-смерть” (с. 114).

И.Г. Бабенко (с. 119–136) для анализа речи современного человека, массового читателя-потребителя использовала роман Т. Толстого *Кись* как пример массового пренебрежения культурой, что привело к „разрушению историко-культурного контекста” (с. 119) и созданию „грамотного варвара, »архинаивного« читателя-невежды” (с. 120) в образе главного персонажа романа – Бенедикта. Для автора статьи „в романе *Кись* представлена своего рода типология мутаций языка как симптомов культурной деградации включающая мутацию семантики слова” (с. 122), оценки, норм слово-употребления, процесса коммуникации, информационного тезауруса, процесса усвоения информации, словаря символа. Далее Бабенко приводит примеры определённых форм мутаций, взятых из текста произведения и приходит к выводу, что в нём „проявляются симптомы культурного недуга, во многом свойственные сегодняшнему массовому читателю, массовому потребителю культуры” (с. 136).

Об этом романе идёт речь и в следующем тексте (с. 137–146) двух авторов из Калининграда (Н.Е. Лихина и И.А. Трофимова), которые считают, что произведение, с одной стороны, встраивается в длинный ряд антиутопий (с. 137), с другой – „что текста как такового вообще нет”, а Толстая создала совершенно новый жанр „постмодернистский роман для народа” (с. 143), в котором наступило в формальном отношении вольное заимствование „разнообразных жанровых конструкторов: сказка, притча, утопия, антиутопия, абсурдистский роман, постмодернистский роман, фэнтези, лингвистическая фантастика, блокбастер, киберпанк, футуристический эпос, футурологический роман, роман-предупреждение, роман-эхо” (с. 138).

Рецензируемый сборник статей, как нам кажется, очень интересен для польских читателей-русистов не только солидной научной разработкой, но и широтой представленной оригинальной тематики, постановкой жгучих вопросов о проблемах духовности в русской и зарубежной литературе, об изменениях в славянских языках. В статьях находим ценные наблюдения и размышления, интересные обобщающие выводы, богатый информационный материал. Статьи отличаются аналитичностью, чёткими

методологическими принципами, стремлением к объёмному и объективному взгляду на специфические проблемы, волнующие читателей и исследователей в начале XXI в.

Irena Rudziewicz, UWM w Olsztynie

Юбилейная Международная научная конференция „XXX Болдинские чтения”

В 1830 г. Александр Сергеевич Пушкин приехал в Болдино впервые для оформления дел по вводу во владение имением. Позднее приезжал сюда ещё дважды – в 1833 и 1834 г. – и в общей сложности провёл в усадьбе около пяти месяцев, познавая судьбу своего древнего рода, создавая свои самые наилучшие и известные произведения и восхищаясь красотой окружающей земли. Писал об этом в письме П.А. Плетневу 9 сентября 1830 г. „Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; ездят верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов”.

В 1911 г. усадьба, где когда-то жил и творил поэт, была приобретена государством. В 1918 г. болдинские крестьяне на сельском сходе решили сохранить бывшую барскую усадьбу, благодаря чему был тут в 1949 г. открыт музей. Сейчас это Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина „Болдино”. В его состав входят: сохраненная пушкинская усадьба с господским домом, старинным парком с прудами, восстановленные постройки усадебного двора, реконструированная церковь и поставленная деревянная часовня Архангела Михаила, роща Лучинник и бывшая усадьба сына поэта Александра Александровича в селе Львовка.

Каждый год, осенью, проводятся тут „Болдинские чтения”. Они возникли в конце 60-х годов как особый вид ежегодных, научно-культурных конференций по инициативе Ю.И. Левиной, директора Болдинского музея-заповедника А.С. Пушкина и Г.В. Краснова, заведующего кафедрой русской литературы Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, который многократно в своих воспоминаниях возвращается к этому первому, очень сложному и трудному организационному этапу.

„Болдинские чтения” – по словам профессора – создавались не как академические, официальные, торжественные чтения, а как заседания со свободной повесткой [...]. Идея возникла в 1969 г. и не у него одного. Болдинское место было как-то отрезано от внешнего мира [...]. Говорить о массовом посещении Болдино в то время, не приходилось [...]. Сначала